

12+

Cathy Lee

Лед и жизнь

Растаявшая академия

Cathy Lee

**Лед и жизнь.
Растаявшая академия**

«Издательские решения»

Lee C.

Лед и жизнь. Растаявшая академия / С. Lee — «Издательские решения»,

Они говорят, что лед убивает всё живое. Но что, если только в его ледяных объятиях жизнь обретает истинный смысл? В стенах этой академии замерли не только коридоры, но и сердца. Она — та, кто верит в силу каждого ростка. Он — тот, чья власть способна превратить мир в вечную мерзлоту. Сможет ли тепло ее души растопить его грань сна? История о любви, которая расцветает там, где это невозможно.

© Lee C.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Дикая роза в обсидиановых стенах	6
Кайден	11
Глава 2	15
Холодный взгляд Инквизитора	15
Кайден	19
Глава 3	23
Будни факультета Боевой Магии	23
Глава 4	32
В кабинете Лорда Сумерек	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лед и жизнь Растаявшая академия

Cathy Lee

© Cathy Lee, 2026

ISBN 978-5-0070-5375-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Дикая роза в обсидиановых стенах

Чемодан, перетянутый старой бечевкой, больно ударил меня по колену, когда я буквально вывалилась из наемного экипажа. Пыль Пятой улицы тут же осела на моих поношенных ботинках, а в нос ударил резкий, почти колющий запах озона и дорогого парфюма.

Я замерла, боясь поднять глаза.

Прямо передо мной возвышался «Исток Магии». Огромные обсидиановые ворота казались пастью гигантского дракона, застывшего в вечном безмолвии. Черный камень поглощал солнечный свет, не давая ни единого отблеска, и только золотые руны, вязью покрывавшие створки, пульсировали едва заметным синим пламенем. Это было величественно и... пугающе.

— Ну, чего застыла, девка? — проворчал кучер, сплевывая на мостовую. — Дальше только лордам да магам дорога. Простым смертным тут и дышать-то запрещено.

Я промолчала, крепче сжимая ручку чемодана. Если бы он знал, что в кармане моей выцветшей мантии лежит пригласительный свиток с печатью из белого воска, он бы, наверное, перекрестился. Или расхохотался.

— Спасибо, — тихо ответила я, поправляя выбившийся рыжий локон.

Экипаж укатил, оставив меня одну перед этой черной громадой. Здесь, в Квартале Лордов-Драконов, даже воздух был другим. Тяжелым от древней силы. Облака цеплялись за острые шпили академии, которые уходили так высоко в небо, что казалось, будто они протыкают саму луну.

Мои ладони вспотели. Я чувствовала, как внутри, где-то в районе солнечного сплетения, ворочается *она*. Моя «дикая искра». Она всегда просыпалась, когда я нервничала, отвечая на внешнюю магию, как голодный щенок на запах мяса.

«Тише, тише», — прошептала я про себя, пытаюсь успокоить бурю внутри. — «Мы просто войдем. Просто отдадим документы. Мы не сожжем эти ворота, Аврора. Мы здесь, чтобы учиться».

Я сделала первый шаг. Подошвы ботинок звонко цокнули по идеально ровному обсидиану мостовой. Мне казалось, что тысячи невидимых глаз наблюдают за мной из-за золотых решеток, оценивая, взвешивая и... отвергая.

Я была садовницей из трущоб Пика Пламени. И сегодня я собиралась войти в место, где ковалась история империи. Если, конечно, моя магия не решит превратить эти ворота в огромную клумбу раньше, чем я успею поздороваться.

Я глубоко вдохнула и направилась к боковой калитке, где уже выстроилась вереница из адептов. Если издалека это здание казалось величественным памятником, то вблизи оно ощущалось как живой, дышащий хищник.

Очередь двигалась медленно. Я старалась не смотреть по сторонам, но это было выше моих сил. Меня окружали люди — точнее, существа, — которые, казалось, были сделаны из совершенно иного теста. Высокие, статные, с кожей, отливающей едва заметным перламутром, и глазами, в которых плескалось жидкое золото или ртуть. Драконы. Высшая знать Империи Вечной Луны.

Они переговаривались вполголоса, и их смех звучал как звон дорогих хрустальных бокалов. На фоне их расшитых шелком камзолов и бархатных плащей моя мантия, перешитая из старой отцовской накидки, выглядела как грязное пятно на чистом холсте.

— Вы только посмотрите на это, — раздался резкий, капризный девичий голос совсем рядом. — В «Исток» начали принимать прислугу? Или это новая мода на нищенство?

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам. Справа от меня стояла девушка невероятной красоты: волосы цвета расплавленного серебра были уложены в сложную прическу, а на шее сверкало ожерелье с камнем размером с голубиное яйцо. Её спутник, широкоплечий парень с гербом дома Огня на груди, окинул меня ленивым, пренебрежительным взглядом.

— Может, она ошиблась дверью? — усмехнулся он. — Кухня и прачечная в другом крыле, милочка.

Я сильнее сжала кулаки. В карманах пальцы наткнулись на привычные выпуклости — мешочки с семенами вьюнка, сонной лощины и дикой мяты. Мои единственные друзья. Мои инструменты. Мое спасение. Для этих «лордов» это был мусор, грязные семена из земли, но для меня в каждом из них спала мощная сила жизни.

Сейчас эта сила внутри меня начала мелко дрожать. Семена в кармане отозвались на мой гнев — я почувствовала, как они потеплели. Одно из зернышек вьюнка, кажется, уже пустило крошечный росток, пробивая ткань мешочка.

«Нет, только не здесь», — взмолилась я, пытаюсь унять дрожь в руках. — «Пожалуйста, не прорастайте прямо сейчас».

— Эй, я с тобой разговариваю, — драконица недовольно наморщила носик, делая шаг ко мне. — От тебя пахнет... навозом и мокрой травой. Фу. Как ты вообще прошла через первый кордон?

Она взмахнула рукой, и я почувствовала волну жара — слабая, но демонстративная магия огня, призванная просто припугнуть меня. Обычный человек бы отпрянул, но моя «дикая искра» восприняла это как объявление войны.

Воздух вокруг моих карманов задрожал. Я ощутила, как озон защекотал ноздри, а земля под моими подошвами будто качнулась.

— Я здесь по приглашению, — выдавила я, глядя прямо в её золотистые глаза. — И если от меня пахнет травой, то от тебя — пережженным сахаром и высокомерием. Интересно, чему из этого учат в первую очередь?

Драконица задохнулась от возмущения, а её спутник нахмурился, его глаза вспыхнули настоящим пламенем. Очередь замерла. Я поняла, что совершила огромную ошибку — я только что бросила вызов тем, кто правит этим миром, не успев даже переступить порог.

Сердце бухало в ребра, как пойманная птица. Ярость драконицы и мой собственный страх сплелись в тугой узел, и я почувствовала, как контроль окончательно ускользает.

— Что ты сказала, дрянь? — прошипела серебровласая, и воздух вокруг неё начал плавиться от жара.

Но я уже не слышала её. В моих карманах стало невыносимо горячо. Моя «дикая искра» больше не желала прятаться — она узнала чужую угрозу и ответила так, как умела только она. Хаосом.

В ушах зазвенело. Я почувствовала странный толчок в пятки, будто сама земля под обси-
диановыми плитами проснулась и потянулась к свету.

— О боги... — выдохнул кто-то в очереди.

Сначала раздался тихий хруст. Твердейший черный обси-
диан, который веками считался нерушимым, вдруг пошел мелкой сеткой трещин. Прямо из-под сапог высокомерного дракона пробился изумрудный росток. Секунда — и он превратился в мощный стебель вьюнка. Но это было только начало.

Из каждой щели, из каждой микроскопической трещины между камнями начали пробиваться цветы. Это не были обычные садовые розы или ромашки. Это была дикая, хищная флора Пика Пламени: ярко-пурпурные бутоны раскрывались с влажным хлопком, мгновенно опутывая лодыжки адептов. Запах озона сменился тяжелым, дурманящим ароматом цветущей мандрагоры и свежескошенной луговой травы.

— Магия жизни? Здесь?! — закричал один из стражников в тяжелых доспехах, хватаясь за эфес меча.

Но меч застрял в ножнах, потому что рукоять мгновенно обросла густым слоем мягкого серого мха. Охранники в недоумении озирались по сторонам. Они привыкли к боевым искрам, к огненным шарам и ледяным иглам, но они понятия не имели, как сражаться с цветами, которые прорастали прямо сквозь их сапоги.

Обсидиановые ворота, символ мощи Академии, теперь выглядели так, будто их забыли в джунглях на сотню лет. Пышные лианы поползли вверх по золотым рунам, заглушая их синее сияние нежным салатным светом.

— Прекрати это! — завизжала драконица, пытаясь отряхнуть подол своего дорогого платья от наглых желтых одуванчиков, которые лезли прямо из камня. — Ты... ты портишь всё!

Я стояла в центре этого безумного сада, парализованная ужасом. Мои пальцы в карманах всё еще сжимали пустые мешочки — семена ушли, отдав всю свою силу этому стихийному взрыву.

— Я... я не хотела, — прошептала я, понимая, что всё кончено.

Меня не просто не примут. Меня, скорее всего, казнят за порчу государственного имущества прямо в первый день. Охрана наконец опомнилась и двинулась ко мне, с трудом выдирая ноги из густой травы, которая продолжала захватывать Пятую улицу.

— Не двигаться, адептка! — рявкнул капитан стражи, чье забрало украсила нелепая, но благоухающая ветка жасмина.

В этот момент над площадью пронесся поток такого ледяного холода, что мои цветы мгновенно покрылись инеем. Все замолкли. Температура упала настолько резко, что изо рта пошел пар.

Толпа расступилась сама собой, и я почувствовала, как по спине пробежал настоящий мороз. К нам шел кто-то, чья сила была сопоставима с лавиной. И этот кто-то явно не был в восторге от моих лютиков.

Ледяной ветер колючими иглами впился в кожу, и мои хищные лианы, только что торжествовавшие победу над обсидианом, жалобно поникли, покрываясь хрупкой ледяной глазурью. Страх сковал меня надежнее любого заклинания. Я видела, как стражники, освобожденные от пут растений, решительно направляются ко мне.

— Какая неаккуратная работа с каналами, — раздался над самым ухом спокойный, мелодичный голос. — Ты же их перекармливаешь, милая. Они захлебываются твоим страхом.

Я вздрогнула и обернулась. Рядом со мной стояла девушка, чья внешность казалась воплощением изящества: платиновые волосы, собранные в строгий узел, и чуть заостренные кончики ушей, едва заметно выглядывающие из-под прядей. Она смотрела на хаос вокруг не с ужасом, а с профессиональным любопытством.

— Помоги мне, — выдохнула я, чувствуя, как очередная волна «дикой искры» готовит новый выброс.

— Дай руку, — скомандовала она. Её пальцы, длинные и удивительно холодные, обхватили моё запястье. — Не борись с магией, детка. Представь, что это не пожар, а река. Направь её вниз, в корни. Заставь их не расти, а засыпать.

Она прикрыла глаза, и я почувствовала, как через её ладонь в меня вливается поток странной, хирургически точной энергии. Это было похоже на чистую ключевую воду, которая умиряет кипяток. Полуэльфийка действовала как заземление: она не подавляла мой дар, а структурировала его.

— Глубже... — шептала она. — Спокойно. Пусть они вернут силу земле.

Под её руководством я закрыла глаза и представила, как мои व्यонки, испуганные ледяным дыханием неведомого магистра, сворачиваются обратно в тугие почки. Хруст обсиди-

ана прекратился. Лианы, облепившие ворота, начали стремительно сохнуть и осыпаться серой пылью, уходя обратно в трещины между плитами.

Через минуту от моего стихийного сада не осталось и следа — только легкий запах мокрой земли и пожухлая трава под ногами.

— Фух, — полуэльфийка отпустила мою руку и слегка поправила свою безупречную мантию. — Оливия Уайтборн. Факультет Целительства. А ты, я так полагаю, та самая «сенсация из оранжереи», о которой шептались магистры?

— Аврора Скайфолл, — я едва держалась на ногах, чувствуя опустошение. — Спасибо... Оливия. Ты спасла меня от тюрьмы.

— Боюсь, я только отсрочила казнь, — Оливия кивнула куда-то мне за спину, и её голос стал подчеркнуто официальным. — Советую выпрямить спину. Кажется, Лорд-Ректор лично решил оценить твой ландшафтный дизайн.

Я обернулась. Холод стал невыносимым. Толпа адептов замерла в глубоком поклоне, и даже высокомерная драконица сжалась, стараясь стать невидимой. К нам шел мужчина, чей вид заставил моё сердце пропустить удар. Высокий, в строгом черном мундире, он словно был высечен из того самого обсидиана, который я только что пыталась взломать. Его волосы, белые как снег, были зачесаны назад, открывая лицо ослепительной и пугающей красоты.

Но страшнее всего были его глаза. Один — цвета ледникового озера, другой — тускло-серебристый, лишенный зрачка. И этот серебристый глаз смотрел прямо на меня, выжигая правду из самой души.

Под тяжелым взглядом ректора я едва не забыла, как дышать. Его присутствие высасывало тепло из воздуха, оставляя лишь звенящую тишину. Кайден Моран не сказал ни слова — он лишь скользнул по мне ледяным взглядом, в котором читалось не то разочарование, не то глубокая усталость, и проследовал дальше, вглубь академии. Холод ушел вместе с ним, оставив меня дрожать на весеннем солнце.

— Идем, — Оливия мягко подтолкнула меня в плечо. — Пока стража не передумала.

Мы миновали арку и оказались в просторном вестибюле, где адептам выдавали учебные принадлежности. Здесь пахло старой бумагой и сургучом. Огромный стол из темного дуба ломился от стопок одежды.

— Фамилия? — сухо спросил регистратор, не поднимая глаз от пергамента.

— Аврора Скайфолл, — прошептала я.

Мужчина замер. Перо в его руке скрипнуло. Он медленно поднял голову, окинул меня подозрительным взглядом и потянулся к полке, стоявшей отдельно от остальных. Там, в тени, лежала мантия, завернутая в чехол из серого шелка.

Когда он развернул её, по толпе адептов, стоявших за моей спиной, пронесся приглушенный шепот.

Мантия была серой. Тусклого, мышинного цвета — официальный цвет Факультета Бытовой Магии. Учсть тех, кто умеет лишь подметать полы заклинаниями и выводить пятна с чужих камзолов. Драконица, стоявшая неподалеку, злорадно хихикнула, прикрыв рот ладонью.

Но торжество врагов длилось недолго.

Регистратор встряхнул ткань, и по воротнику, полам и рукавам вдруг вспыхнула, как живой огонь, **золотая кайма**. Густая, тяжелая вышивка в виде переплетенных нитей солнца. В «Истоке Магии» это означало только одно.

— **Редкий дар**, — выдохнула Оливия, коснувшись пальцами золотой нити. — Аврора, это... это метка уникумов.

— Бытовик с золотой каймой? — раздался чей-то возмущенный голос. — Это шутка? Диких магов не метят золотом!

Я приняла мантию, и ткань на ощупь оказалась удивительно плотной, почти как чешуя. Золото под моими пальцами слабо вибрировало, откликаясь на тепло моей ладони. Это был

знак признания моей силы, но в то же время — клеймо. Теперь каждый в этой академии будет знать, что во мне спит мощь, которой дали «бытовой» цвет лишь потому, что побоялись отправить на Боевой.

— Надень её, — тихо сказала Оливия, и в её глазах я увидела не зависть, а сочувствие. — С этого момента ты не просто садовница. Ты — проблема, которую они не знают, куда пристроить.

Я накинула мантию на плечи. Золотая кайма тут же мягко засияла, оттеняя мои рыжие волосы. Я чувствовала себя как редкий сорняк, который по ошибке высадили в королевскую вазу. И, судя по тому, как на меня оглядывались лорды-драконы, вырывать этот сорняк они собирались начать прямо сегодня.

Кайден

Я стоял у панорамного окна своего кабинета, глядя на то, как утреннее солнце Гердальи тщетно пытается согреть обсидиановые шпили моей цитадели. Внутри меня солнца не было. Только мерное, едва слышное тиканье — кристалл в моей груди сегодня ощущался особенно тяжелым, напоминая, что время моих эмоций истекает.

На массивном столе из мореного дуба лежала стопка личных дел первокурсников. Я знал их всех еще до того, как они пересекли черту города. Наследники великих родов, чья судьба была предрешена титулами.

Но одно дело лежало отдельно. Тонкая папка, пахнущая сухой травой и дешевой бумагой.

«Аврора Скайфолл. Происхождение: Пик Пламени. Сословие: Простолюдника».

Я медленно перевернул страницу. На меня смотрел магический оттиск: копна непослушных рыжих волос, огромные глаза, в которых застыл немой вызов, и россыпь веснушек на переносице. Нелепая. Хрупкая. Совершенно неуместная в этих стенах.

— Опять изучаешь свою головную боль, Кайден? — Адриан Блэквуд вошел без стука, похозяйски расположившись в кресле. — Совет Инквизиции трижды пересматривал её допуск. Ты же понимаешь, что «дикий маг» такого уровня в Университете — это всё равно что бросить зажженную спичку в пороховой погреб.

— Она не просто «дикий маг», Адриан, — я коснулся пальцами холодного серебристого глаза, который сейчас зудел от предчувствия. — Её магическая подпись идентична «Первой Искре». Жизнь в чистом, неразбавленном виде. Она создает материю из ничего. Если Орден Огня узнает, что в Империи появился кто-то с даром созидания такого масштаба...

— То её либо украдут, либо убьют, — закончил за меня Верховный Инквизитор. — Поэтому ты зачислил её на бытовой факультет? Seriously? Золотая кайма на серой мантии — это как красная тряпка для быка.

Я промолчал. Адриан не понимал. Я не мог отправить её на боевой — там её сломают. Я не мог отдать её целителям — там её магия станет инструментом. Бытовой факультет был единственным местом, где на неё не будут смотреть свысока и оставят в покое. По крайней мере, я на это надеялся.

Я провел ладонью над папкой, и по бумаге пробежала изморозь.

— Она — аномалия. Стихийная катастрофа в теле девчонки, которая, судя по отчетам, плачет над сломанным кустом роз.

Я вспомнил строчку из её биографии: *«Работала помощницей садовника в королевской оранжерее»*. Мои пальцы, ставшие на кончиках почти прозрачными от проклятия, непроизвольно сжались. В моем мире всё было либо черным, либо белым, либо ледяным. Аврора Скайфолл была цветом. Ярким, агрессивным цветом, который грозил разрушить мою идеальную систему.

— Я лично буду курировать её обучение, — мой голос прозвучал как треск ломающегося льда. — Если она не научится контролировать свою искру, я сам выжгу её дар. Ради безопасности Империи.

Адриан посмотрел на меня с едва заметным сочувствием.

— Ты говоришь так, будто у тебя еще осталось сердце, которое можно защитить, Кайден. Посмотри на себя. Ты замерзаешь.

Я не ответил. Я смотрел на Пятую улицу. Там, внизу, у ворот, только что остановился наемный экипаж. Из него вышла маленькая фигурка с чемоданом, перевязанным бечевкой.

Даже отсюда, через толстые стены и магические щиты, я почувствовал её. Воздух в кабинете внезапно наполнился ароматом озона и полевых цветов.

Мой кристалл в груди впервые за три года болезненно пульсировал. Прибыла. Моя величайшая проблема. Моя избранная погибель.

— Добро пожаловать в ад, адептка Скайфолл, — прошептал я, и стекло окна под моими пальцами покрылось идеальным, смертоносным узором инея.

Я наблюдал за ней сверху, с балкона главной башни, скрытый тенью и чарами отвода глаз. Мой серебристый глаз — глаз Истины — видел магические потоки так же ясно, как обычный человек видит солнечный свет. И то, что я видел сейчас внизу, напоминало мне приближающийся ураган.

Аврора Скайфолл стояла в очереди, ссутулившись, словно пыталась стать меньше, чем она есть. Вокруг неё бушевал океан золота, шелка и спеси. Молодые драконы, мои сородичи по крови, но не по духу, кружили вокруг неё, точно акулы, почуявшие в воде каплю... нет, не крови. Жизни.

— Она выглядит так, будто сейчас упадет в обморок от одного запаха их духов, — прокомментировал Адриан, встав рядом со мной. — Посмотри, как Селина из рода Серебряных Бурь вцепилась в неё. Девчонке несдобровать.

Я не ответил. Я смотрел на руки адептки. Её пальцы нервно перебирали что-то в карманах. Сквозь грубую ткань её мантии я видел пульсацию: крошечные, едва заметные точки концентрированной энергии. Семена.

Она принесла в цитадель высшей магии обычные семена. Это было почти оскорбительно. Почти красиво.

— Кайден, — голос Адриана стал серьезным. — Посмотри на её мана-каналы. Они не просто светятся. Они вибрируют.

Я видел. Её «дикая искра» металась внутри неё, запертая в хрупком теле, как разъяренный зверь в клетке. Каждый раз, когда Селина Серебряная Буря открывала рот, чтобы выпустить очередную порцию яда, аура Авроры вспыхивала густым изумрудным цветом.

Селина сделала выпад — глупая, самонадеянная девчонка. Она выпустила облако жара, решив припугнуть «садовницу». Для Селины это была игра. Для Авроры это стало детонатором.

Я почувствовал, как воздух вокруг площади натянулся, словно струна. Озон зашекотал мои ноздри, пробиваясь сквозь вечный холод моей собственной ауры. Семена в её карманах больше не были просто сухими зёрнами — они превращались в оружие.

— Она сейчас сорвется, — констатировал я, чувствуя, как кристалл в моей груди отзывается на её гнев тупой, тянущей болью.

Драконы смеялись над её бедностью, над её мантией, над запахом трав, не понимая, что стоят на пороге катастрофы. Они видели в ней серую мышь, в то время как под её ногами уже начинала дрожать земля.

В глубине души я хотел посмотреть, что будет дальше. Мой исследовательский интерес боролся с обязанностями ректора. Но печать на моей шее обожгла кожу холодом — предупреждение. Если эта девчонка разнесет ворота в первый же день, Инквизиция не даст мне шанса её защитить.

— Пойдем, — бросил я Адриану, отворачиваясь от окна. — Пора напомнить нашим «лордам», что лед гораздо эффективнее огня, когда нужно остудить чей-то пыл.

Я шел по коридорам, и иней на стенах следовал за мной по пятам. Аврора Скайфолл еще не знала, что её «дикая искра» только что подписала ей приговор: она никогда не будет здесь просто студенткой. Она будет моей личной тюрьмой и моим единственным спасением.

Я едва успел спуститься в вестибюль, когда само основание Академии содрогнулось. Это не был толчок землетрясения — это была пульсация жизни, настолько мощная и чужеродная обсидиановым стенам «Истока», что мои зубы свело от металлического привкуса озона.

— Стены... Кайден, посмотри на стены! — Адриан вскинул руку, указывая на арку.

По черному камню, который веками не поддавался ни эрозии, ни пламени, поползли живые, изумрудные вены. Это было физически невозможно. Обсидиан «Истока» пропитан магией подавления, он должен был выпить любую искру, но эта магия не спрашивала разрешения. Она просто *была*.

Я толкнул тяжелые створки ворот и вышел на площадь.

Картина была достойной кисти сумасшедшего художника. Мои вышколенные гвардейцы, элита Инквизиции, застыли в нелепых позах. У одного из них из-под наплечника стремительно пробивался бутон алой лилии, у другого сапоги буквально приросли к мостовой из-за густого, жирного мха, заплонившего площадь.

В центре этого хаоса стояла она.

Рыжие волосы Авроры казались факелом среди зелени. Она выглядела испуганной, почти раздавленной собственной силой, которая хлестала из неё во все стороны. Я видел, как её мана-каналы изливают чистый изумрудный свет, превращая безжизненный камень в тропический лес.

— Не двигаться! — крик капитана стражи потонул в сочном хрусте раскрывающихся бутонов мандрагоры.

— Идиоты, — процедил я сквозь зубы. — Вы только злите её природу.

Мой серебристый глаз запульсировал. Я видел первопричину: страх. Она защищалась так, как защищает лес от лесного пожара — захватывая всё свободное пространство. Драконы-аристократы, еще минуту назад сочившиеся ядом, теперь с визгом запрыгивали на скамейки, спасая свои шелковые чулки от колючего вьюнка.

Кристалл в моей груди отозвался резкой, режущей болью. Её жизнь была слишком яркой. Слишком шумной. Она причиняла мне физическую боль, просто существуя в моем поле зрения.

Я сделал шаг вперед, и под моей подошвой трава мгновенно почернела и рассыпалась ледяной крошкой. Я выпустил свою ауру — не как оружие, а как саван. Холод, способный остановить само время, начал медленно душить её неконтролируемую весну.

— Адептка Скайфолл, — мой голос разрезал панику, как ледяной клинок.

Я видел, как она вздрогнула. Наши взгляды встретились на мгновение — карий, полный слез и ужаса, и мой серебристый, обещающий только вечную зиму. На секунду мне показалось, что я тону в её тепле. Это было пугающее, забытое чувство.

Я прошел мимо неё, даже не замедляя шага, хотя внутри всё кричало от резонанса. Я должен был наказать её. Должен был стереть этот нелепый сад с лица моей Академии. Но прежде всего — я должен был убедиться, что она не сгорит в этой «Первой Искре» прежде, чем я пойму, как её использовать.

— Очистить площадь, — бросил я страже, не оборачиваясь. — Адептку — в регистратуру. И принесите ей серую мантию. Золотую. Самую дорогую, что найдете в закромах.

Я чувствовал её взгляд на своей спине. Он жег сильнее, чем проклятие на шее. Она разрушила мой обсидиан. Она заставила меня почувствовать тепло. И за это я заставлю её подчиниться.

За это она заплатит своим покоем.

Я продолжал движение, не оборачиваясь, хотя каждый нерв в моем теле был натянут, как струна. Моя аура льда медленно подавляла буйство жизни, которое устроила эта девчонка, но краем глаза — тем самым, серебристым глазом Истины — я заметил движение.

К Авроре Скайфолл подошла Оливия Уайтборн. Полуэльфийка, представительница рода, чьи руки были созданы для исцеления, а разум — для ледяного спокойствия. Я едва заметно замедлил шаг, наблюдая, как Оливия перехватила запястье Авроры.

Это было изящно. Уайтборн действовала как громоотвод, заземляя бушующую «дикую искру» садовницы. Я видел, как изумрудное сияние в венах Авроры начало успокаиваться, подчиняясь мягкому ритму полуэльфийки. Конфликт стихий затихал.

— Разумно, — прошептал я едва слышно.

Если бы не Оливия, мне пришлось бы применить грубую силу, а мой холод мог просто выжечь каналы девчонки навсегда. Я чувствовал странное облегчение, смешанное с раздражением. Почему присутствие этой рыжеволосой катастрофы заставляет меня испытывать такие полярные эмоции?

Час спустя я стоял в тени за массивной колонной в вестибюле, наблюдая за процедурой выдачи мантий. Адриан стоял рядом, скрестив руки на груди.

— Ты уверен, что это правильный ход, Кайден? — тихо спросил он. — Ты же видишь, как они на неё смотрят.

Я смотрел на Аврору. Она выглядела потерянной. Когда регистратор выложил перед ней серую ткань, её плечи едва заметно поникли. Цвет бытовиков. Цвет тех, кто не представляет угрозы.

Но затем ткань развернулась.

Золотая кайма вспыхнула под магическими лампами вестибюля, как венец из жидкого солнца. Это было мое личное распоряжение. Серый цвет должен был спрятать её от амбиций боевых магов, но золото... золото было предупреждением для меня самого и для тех немногих, кто понимал суть вещей. Она — уникал. Она — «Первая Искра».

— Ей нужно научиться носить это золото, Адриан, — ответил я, глядя, как кайма мантии начинает мерцать, стоило пальцам Авроры коснуться ткани. — Если она не выдержит косых взглядов и шепота за спиной, она не выдержит того, что я уготовил ей в подвалах Инквизиции.

Я видел, как она накинула мантию. Золото на сером фоне выглядело вызывающе, почти дерзко. На мгновение она подняла голову, и её взгляд — решительный, несмотря на недавний испуг — скользнул по залу. Она искала меня. Я знал это.

— Пойдем, — бросил я Адриану, уходя вглубь коридоров. — Завтра её первая лекция на Боевом факультете. Посмотрим, сколько сорняков она вырастит в зале для спаррингов под присмотром твоих драконов.

Кристалл в моей груди снова кольнул холодом, но на этот раз это была не боль. Это было предвкушение. Аврора Скайфолл еще не знала, что её серая мантия — это лишь маскировка для самой опасной игры в истории этой Академии. И я собирался быть тем, кто раздаст карты.

Глава 2

Холодный взгляд Инквизитора

Тяжелая ткань новой мантии казалась мне непомерно тяжелой, а золотая вышивка на рукавах — раскаленной проволокой, приковывающей ко мне взгляды сотен adeptов. Когда мы с Оливией вошли в Большой зал, я невольно пригнула голову, мечтая стать невидимой.

Зал был колоссальным. Потолок терялся в густом сумраке, где вместо ламп парили настоящие созвездия, медленно вращаясь по своим орбитам. Стены из обсидиана здесь были отполированы до зеркального блеска, и в них отражались сотни свечей и тысячи надменных лиц.

— Держись ближе ко мне, — шепнула Оливия, её голос был островком спокойствия в этом море шепотков. — И не смотри на драконов. Они чувствуют страх, как хищники — запах крови.

Мы заняли места в самом хвосте, где теснились «бытовики» и «лекари». Мои однокурсники-бытовики косились на мою золотую кайму с опаской, adeptы Боевого факультета — с нескрываемым презрением. Для них я была выскочкой, получившей знак отличия по ошибке или милости ректора.

Внезапно гул голосов оборвался. Звезды под потолком вспыхнули ярче, и на возвышение, чеканя шаг, начал выходить преподавательский состав.

— Смотри, — Оливия указала подбородком на высокую женщину в строгом белом платье. — Магистр Офелия Фойт, декан Целителей. А вон тот, в плаще, который будто состоит из теней — Урис Викарий. О нем говорят, что он видит тебя насквозь еще до того, как ты откроешь рот.

Я едва слушала её. Все мои чувства были сосредоточены на последней фигуре, вышедшей к кафедре.

Кайден Моран.

Сегодня он не был в дорожном плаще. На нем был парадный мундир Инквизитора — угольно-черный, с высоким воротником, расшитый серебром. Его появление принесло с собой могильный холод. Я видела, как пар вырывается изо ртов adeptов в первых рядах.

Он встал в центре, положив руки на кафедру. Его пальцы, длинные и бледные, казались вырезанными из слоновой кости. Серебристый глаз в свете магических созвездий сиял пугающим, неживым светом.

— Приветствую тех, кто выжил после первой встречи с воротами, — его голос, низкий и вибрирующий, заполнил каждый уголок зала. — И предупреждаю тех, кто думает, что титулы их родителей защитят их от исключения. В этих стенах правит только один закон — контроль над силой.

Его взгляд медленно скользил по рядам, пока не остановился точно на мне. Я почувствовала, как по позвоночнику пробежал разряд статического электричества. В этом взгляде не было теплоты — только лед и немое обещание, что мой «дикий дар» станет для меня либо спасением, либо самой страшной пыткой.

— Ваша магия — это не подарок. Это ответственность, — продолжал он, не сводя с меня глаз. — И те, кто не сможет подчинить свою природу, будут стерты из истории этой Академии.

Я сглотнула, чувствуя, как в кармане мантии само по себе сжимается и лопается крошечное зернышко дикого мака, не выдержав этого давления. Торжественное открытие превратилось для меня в объявление войны. И моим главным противником был человек, чье сердце, как шептала Оливия, медленно превращалось в камень.

Когда Кайден Моран сделал шаг к краю постамента, пространство вокруг него исказилось. Это не было просто физическим присутствием — это было стихийное бедствие, облеченное в человеческую форму.

Я затаила дыхание, наблюдая, как ближайшие к нему тяжелые канделябры начали гаснуть один за другим. Пламя свечей не просто затухало, оно съеживалось, бледнело и превращалось в крошечные ледяные кристаллы, прежде чем окончательно исчезнуть. Тьма и холод следовали за ним, как верные псы.

— Боги, ну и мороз, — прошептал кто-то слева, кутаясь в тонкую мантию.

Я чувствовала этот холод иначе. Моя «дикая искра» внутри взвилась, как пламя на ветру, пытаюсь согреть меня, защитить от этого абсолютного нуля. Но аура Ректора была тяжелой, монолитной. Она давила на мои плечи, заставляя сердце биться в замедленном, неровном ритме.

Он заговорил, и его голос показался мне хрустом ледника, сминающего всё на своем пути. Но я не слышала слов. Я смотрела в его лицо.

Его бледная, почти фарфоровая кожа казалась прозрачной в свете магических звезд. Но страшнее всего был его серебристый глаз. Если голубой глаз Кайдена был холодным озером, то второй — лишенный зрачка, наполненный тусклым мерцанием живой ртути — был окном в бездну.

Мне показалось, что этим глазом он видит не меня, а самую суть моей силы. Он видел корни, прорастающие в моей душе, он видел соки, бегущие по моим венам вместо крови. Этот взгляд не просто пугал — он обнажал. Под ним я чувствовала себя беззащитной, словно росток, вырванный из теплой земли и брошенный на голый лед.

На мгновение серебристое свечение его глаза усилилось. Кайден чуть заметно прищурился, и я ощутила резкий укол холода прямо в центре лба, там, где пульсировала моя магия.

«Я вижу тебя, дикарка», — казалось, прошептал этот взгляд. — «И я не дам тебе расти».

Я судорожно выдохнула, когда он наконец отвел взор. Воздух в легких казался жидким азотом. Кайден Моран не был просто учителем или судьей. Он был зимой, которая пришла за моим летом. И, судя по тому, как дрожали мои руки, я совершенно не была готова к этой долгой ночи.

Церемония закончилась так же внезапно, как и началась. Преподаватели начали покидать постамент, и Кайден Моран направился к выходу через центральный проход — как раз мимо того ряда, где затесались мы с Оливией.

Адепты по обе стороны от него застыли в поклоне, боясь даже поднять голову. Холод катился впереди него невидимой волной. Когда он поравнялся с моим рядом, я почувствовала, как внутри меня что-то оборвалось.

Моя «дикая искра» не просто проснулась — она обезумела. В ответ на его мертвенный холод она взорвалась первобытным жаром. Это был не гнев, а инстинкт выживания, крик жизни, которую пытаются заморозить заживо.

Внезапно воздух между нами заискрился изумрудным и серебряным. Я почувствовала резкий, физически ощутимый толчок в груди, от которого потемнело в глазах.

Ректор замер.

Его подошва замерла в сантиметре от пола. Время словно остановилось. Я видела каждую деталь его мундира, каждую серебряную нить шитья и... печать на его шее, которая под воротником внезапно вспыхнула болезненным багровым светом.

Кайден медленно повернул голову. Его лицо было всего в паре футов от моего. Голубой глаз сузился, а серебристый засиял так ярко, что мне пришлось зажмуриться. В этот момент между нами возник настоящий резонанс: я услышала в своей голове гул ветра в ледяных пеще-

рах, а он, я готова была поклясться, почувствовал запах грозового неба и растертой в ладонях хвои.

— Адептка, — его голос был тихим, но в нем слышался опасный рокот.

Он смотрел на мои пальцы, которые судорожно вцепились в край мантии. По подолу моей одежды, прямо там, где было золото, поползли живые зеленые листья, мгновенно чернея и рассыпаясь прахом от его близости. Это была битва двух начал прямо здесь, на виду у всей Академии.

Его ноздри едва заметно дрогнули. На мгновение его маска беспристрастности дала трещину — в глубине его зрачка отразилось нечто похожее на узнавание или... шок.

— Контролируйте свои порывы, Скайфолл, — процедил он, и лед в его словах был почти осязаемым. — Иначе Академия выставит вам счет за разрушение пространства.

Он резко отвернулся и зашагал прочь, но я видела, что его шаг стал чуть быстрее, чем прежде.

— О боги, — выдохнула Оливия, хватая меня за локоть. — Аврора, ты хоть понимаешь, что сейчас произошло? Ты только что ударила его своей магией. Напрямую.

Я не могла ответить. Мое сердце колотилось где-то в горле, а ладони всё еще покалывало от остаточного сияния. Я не ударила его. Мы просто... столкнулись. Две силы, которые никогда не должны были встретиться. И судя по тому, как дрожали руки Ректора, когда он поправлял манжету на выходе, этот резонанс напугал его не меньше, чем меня.

Зал все еще тонул в гнетущей тишине, хотя Ректор уже миновал наш ряд. Однако, сделав еще несколько шагов к массивным дверям, он внезапно остановился. Его спина, обтянутая безупречным черным сукном, казалась каменной стеной.

Кайден медленно обернулся. Адепты, уже начавшие было перешептываться, мгновенно онемели.

— И еще одно, — его голос, холодный и сухой, разнесся под сводами, отражаясь от зеркального обсидиана. — Адептка Скайфолл.

Я вжала голову в плечи, чувствуя, как сотни глаз вонзаются в меня, словно иглы. Золотая кайма моей мантии в этот момент казалась мне не знаком отличия, а мишенью.

— Да, Лорд-Ректор? — мой голос прозвучал тонко и надломлено.

Кайден окинул меня коротким, пренебрежительным взглядом. Он слегка приподнял подбородок, словно воздух вокруг меня был чем-то нечистым.

— Университет «Исток Магии» — это храм дисциплины, а не запущенная оранжерея на окраине империи, — произнес он достаточно громко, чтобы каждое слово долетело до самых дальних рядов. — От вас исходит совершенно неуместный запах озона и трав. Это отвлекает других адептов и свидетельствует о вашей неспособности сдерживать стихийный фон.

По залу прокатился приглушенный смешок. Драконица Селина, стоявшая впереди, обернулась и одарила меня торжествующей, ядовитой улыбкой.

— Если вы не научитесь фильтровать свою ауру и избавляться от этого... — он на мгновение замолчал, подбирая слово, — *сельского* амбре, я буду вынужден запретить вам посещение общих лекций. Магия должна подчиняться разуму, а не вашим инстинктам сорняка.

Я почувствовала, как по лицу разливается жар. Это было унижительно. Он не просто сделал замечание — он прилюдно подчеркнул мое происхождение, выставив мой дар как нечто грязное и неупорядоченное. Запах озона и трав был частью меня, дыханием моей магии, а он назвал это грязью.

— Я... я постараюсь, Лорд-Ректор, — выдавила я, глядя в пол.

— Не старайтесь. Делайте, — отрезал он.

Кайден развернулся и вышел, оставив после себя шлейф изморози и звенящее чувство несправедливости.

— Ну надо же, — прошипела Селина, проходя мимо меня к выходу. — Слышала, дикарка? От тебя несет навозом даже через магические щиты. Попробуй помыться, прежде чем входить в приличное общество.

Оливия сжала мою руку, пытаясь поддержать, но я лишь сильнее вцепилась в свои пустые карманы. Кайдэн Моран хотел контроля? Что ж, он его получит. Но внутри меня, вопреки его льду, уже начинал прорастать не кроткий цветок, а колючий шиповник, готовый пустить кровь любому, кто решит его растоптать.

После публичной порки словами Ректора я чувствовала себя так, словно меня выставили на мороз босиком. Мы с Оливией молча миновали бесконечные переходы, поднимаясь всё выше по винтовым лестницам, пока обсидиан стен не сменился старым серым камнем, а воздух не стал суше.

— Нам сюда, — Оливия толкнула тяжелую дубовую дверь на самом последнем этаже Восточной башни.

Комната оказалась крошечной, но удивительно уютной. Потолок уходил круто вверх, превращаясь в остроконечный свод, а прямо над кроватями располагалось огромное круглое окно, через которое была видна верхушка одной из башен и клочок темнеющего неба.

— Под самой крышей? — я поставила свой потрепанный чемодан на узкую кровать. — Нас поселили здесь, потому что мы... «второсортные»?

— Нас поселили здесь, потому что отсюда сложнее всего сбежать и легче всего следить, — Оливия невозмутимо начала выкладывать из своего саквояжа идеально чистые флаконы и скальпели. — Но посмотри на это с другой стороны: здесь нас никто не будет доставать. Драконы слишком ленивы, чтобы подниматься на сто двадцать ступеней ради того, чтобы просто плюнуть тебе в спину.

Я подошла к окну. Весь город лежал как на ладони, а шпили дворца Императора казались отсюда тонкими иглами.

— Он сказал, что от меня пахнет озоном, — тихо произнесла я, припнувшись к собственному рукаву. — Неужели это так сильно чувствуется?

— Это чувствует только он, Аврора, — Оливия на мгновение замерла, глядя на меня серьезно. — У Кайдэна Морана магия истины. Он чует ложь, скрытые намерения и... первородную силу. Твой запах — это признак того, что твоя искра жива. Его же магия — мертвая. Его это бесит.

Я достала из чемодана единственную ценную вещь — небольшую банку с землей, в которой спали семена редкой ночной фиалки. Поставила её на подоконник. Стоило мне коснуться стекла, как по нему пробежала легкая дрожь. Из-за близости к небу и высоты здесь магический фон был невероятно плотным.

— Мы справимся, Оливия? — я посмотрела на свою новую подругу.

— Ты — дикий маг с золотой каймой, я — полуэльфийка с амбициями хирурга. Мы — худший кошмар этого Университета, — она внезапно улыбнулась, и в её глазах блеснул озорной огонек. — Конечно, справимся. Давай обустроиваться. Утром у тебя первая лекция на Боевом факультете. Советую положить под подушку что-нибудь успокаивающее, иначе к рассвету наша комната превратится в непроходимые джунгли.

Я легла на жесткий матрас, глядя в звездное небо над головой. Где-то там, внизу, в обсидиановых покоях, спал (или не спал) человек с ледяными глазами, который видел меня насквозь. Я закрыла глаза, и последнее, что я почувствовала перед сном — это едва уловимый запах хвои, который теперь казался мне единственным щитом против наступающей зимы.

Кайден

Большой зал «Истока» всегда напоминал мне склеп. Красивый, монументальный, облицованный безупречным обсидианом, но всё же — склеп для живых амбиций.

Я стоял за тяжелыми дубовыми дверями, ожидая своего выхода. Кристалл в груди сегодня вел себя скверно: каждый удар сердца отдавался холодным покалыванием в ребрах. Проклятие не знало праздников. Для него не существовало «Торжественного открытия», только медленное, неумолимое превращение моей крови в ледяную крошку.

— Готов в очередной раз напугать детей до икоты? — Адриан поправил воротник своего инквизиторского мундира, стоя рядом. — Ты выглядишь бледнее обычного, Кайден.

— Это называется «соответствие образу», — сухо ответил я. — Идем. Чем быстрее мы начнем, тем быстрее я смогу вернуться в тишину своего кабинета.

Двери распахнулись.

Мы вышли на постамент. Я чувствовал, как сотни взглядов впиваются в меня. Это была почти физическая нагрузка — выдерживать давление такого количества надежд, страхов и скрытой ненависти.

Звезды на потолке послушно вращались, освещая море голов.

Факультет Боевой Магии. Мои сородичи, драконы. Они стояли ровно, их ауры — смесь огня и гонора — создавали в зале душное марево.

Целители и Бытовики. Тихие, пришибленные величием момента.

Я вышел на край постамента, и гул сотен голосов оборвался так резко, словно я перерезал залу горло.

Моя аура — это не то, чем я могу управлять полностью; это продолжение моего проклятия. Холод выплескивался из меня тяжелыми, невидимыми волнами. Я шел, и тяжелые напольные канделябры, стоявшие вдоль кафедр, послушно гасли. Пламя не просто затухало — оно съеживалось, синело и умирало, не выдержав соседства с абсолютным нулем моей магии. Отражение угасающих свечей в обсидиановых стенах напоминало мне медленно закрывающиеся глаза покойника.

Я оперся ладонями о кафедру. Дерево под моими пальцами мгновенно побелело, покрывшись идеальным геометрическим узором инея.

Мой серебристый глаз — проклятый дар Инквизиции — пульсировал. Он не видел лиц; он видел ману. Для него зал был наполнен разноцветными искрами:

— **Драконы** — багровые и золотые всполохи амбиций.

— **Целители** — мягкое, тошнотворно-розовое свечение.

— **И она.**

Аврора Скайфолл была единственным пятном в этом зале, которое мой глаз не мог просто проигнорировать. Её магия была не искрой — это был лесной пожар, припорошенный пеплом страха. Она смотрела на меня, и я чувствовал, как её ужас вибрирует в воздухе.

Она напоминала мне пойманного зверька, который замер перед хищником в надежде, что его не заметят. Глупая девочка. Я видел каждый изгиб её каналов, каждое судорожное сокращение её «дикий искры».

Я намеренно задержал взгляд на её лице чуть дольше положенного. Мой серебристый глаз лишен зрачка, он — зеркало, в котором грешники видят свои преступления, а слабые — свою ничтожность. Я видел, как она побледнела, как её зрачки расширились, отражая моё собственное безразличие.

Мой холод должен был подавить её, заставить её магию свернуться и уйти в спячку. Но вместо этого я почувствовал странный зуд под кожей. Кристалл в моей груди, обычно неподвижный, едва заметно дернулся.

«Бойся меня, Аврора», — подумал я, и мой голос, лишенный всяких эмоций, зазвучал под сводами зала. — «Бойся, потому что если ты не научишься прятать этот запах озона, я стану последним, что ты увидишь перед тем, как твоя искра погаснет навсегда».

Я начал свою речь, но часть моего сознания продолжала фиксировать её реакцию. Она была слишком живой. Слишком... теплой. В моем идеально замороженном мире это было почти физическим оскорблением.

Она смотрела на меня. И в её взгляде я прочитал не благоговение, которое обычно испытывают адепты, а настоящий, дикий ужас.

«Правильно, Аврора», — подумал я, усиливая давление своей ауры. — «Бойся. Потому что я — единственное, что стоит между твоим даром и костром Инквизиции».

Церемония закончилась, и я поспешил покинуть зал. Каждый миг пребывания в толпе стоил мне колоссальных усилий: кристалл в груди тянул холод из пространства, превращая мое дыхание в едва заметную ледяную дымку. Я шел по центральному проходу, и адепты расступались, словно волны перед ледоколом.

Я почти миновал ряды «бытовиков», когда это случилось.

Это не было осознанной атакой. Это был стихийный, первобытный вопль жизни, столкнувшейся со смертью. Когда я поравнялся с рыжеволосой адепткой, пространство между нами вдруг перестало быть пустым. Оно натянулось и лопнуло.

Резкий толчок в грудную клетку, будто кто-то ударил молотом по моему ледяному панцирю.

Мой серебристый глаз зафиксировал невозможную вспышку — изумрудные нити её магии сплелись с моим холодным серебром, создавая искрящийся кокон.

Я замер. Моя подошва застыла в миллиметре от пола. Это было выше моей воли — мое тело просто отказалось двигаться дальше через этот плотный, пахнущий грозой и сосновой хвоей заслон.

Я медленно повернул голову. Слишком близко.

Я видел, как дрожат её ресницы, видел расширенные от ужаса зрачки. Но самое страшное происходило под воротником моего мундира — проклятая печать на моей шее, обычно безмолвная, вдруг обожгла кожу ядовитым жаром. Она отреагировала на неё. Моя тьма узнала её свет.

В этот момент в моей голове наступил хаос. Я почувствовал то, что чувствовать не должен: запах разогретой солнцем земли и шум весеннего дождя. Мой идеально выстроенный внутренний лед дал трещину.

Я посмотрел на её мантию. Золотая кайма на сером сукне пошла мелкими зелеными побегими. Живые листья пробивались сквозь ткань прямо под моим взглядом, тут же чернея и рассыпаясь в прах от моего холода. Это был бесконечный цикл рождения и мгновенной смерти, разыгравшийся на клочке сукна.

— Адептка, — мой голос прозвучал тише, чем я планировал, и в нем прорезалась опасная хрипота.

Я заставил себя разорвать этот контакт. Это потребовало почти всей моей ментальной концентрации.

— Контролируйте свои порывы, Скайфолл, — процедил я, чувствуя, как пальцы в перчатках непроизвольно сжались в кулаки. — Иначе Академия выставит вам счет за разрушение пространства.

Я возобновил шаг, чувствуя, как по спине стекает капля холодного пота. Мой кристалл в груди больше не тикал — он вибрировал. Адриан прав, она — катастрофа. Но он ошибается в одном: она не просто «спичка в пороховом погребе».

Она — то, что способно заставить мое мертвое сердце биться снова. И именно поэтому я должен быть к ней беспощаден.

Я сделал еще несколько шагов к дверям, но инерция резонанса все еще тянула меня назад, к этой рыжеволосой девчонке. Внутри меня все звенело. Мой серебристый глаз продолжал транслировать невозможные образы: сплетение корней, пробивающих мой лед.

Я обязан был это прекратить. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Я остановился. Тишина в зале стала такой плотной, что, казалось, ее можно было коснуться пальцем. Я медленно развернулся на каблуках. Моя мантия взметнулась, обдав первый ряд адептов облаком морозной крошки.

— И еще одно, — мой голос прозвучал как удар хлыста. — Адептка Скайфолл.

Она замерла, вжавшись в скамью. Маленькая, нелепая в этой серой мантии, которая теперь была помечена моим «золотом». Я видел, как она дрожит, и это раздражало меня еще сильнее, потому что ее дрожь отдавалась мелкой вибрацией в моем собственном кристалле.

Я окинул ее взглядом, полным притворной брезгливости.

— Университет «Исток Магии» — это храм дисциплины, а не запущенная оранжерея на окраине империи, — произнес я, чеканя каждое слово. — От вас исходит совершенно неуместный запах озона и трав. Это отвлекает других адептов и свидетельствует о вашей вопиющей неспособности сдерживать стихийный фон.

По залу прокатилась волна смешков. Драконы из высших домов довольно переглянулись. Я знал, что быю по больному — по ее происхождению, по ее «дикости». Это было жестоко, но это был единственный способ возвести стену между нами.

— Если вы не научитесь фильтровать свою ауру и избавляться от этого... — я намеренно сделал паузу, искривив губы в усмешке, — *сельского* амбре, я буду вынужден запретить вам посещение общих лекций. Магия в этих стенах должна подчиняться разуму, а не вашим инстинктам сорняка.

Ее лицо вспыхнуло пунцовым, а глаза наполнились слезами, которые она отчаянно пыталась не выпустить. В этот момент мой глаз Истины зафиксировал нечто странное: ее магия не сжалась от обиды. Она... зашипела, как придавленная змея.

— Я... я постараюсь, Лорд-Ректор, — выдавила она.

— Не старайтесь. Делайте, — отрезал я и окончательно вышел из зала.

Только оказавшись в пустом коридоре, я позволил себе глубоко вздохнуть. Воздух здесь был чистым, лишенным ее присутствия, но проклятый запах озона и свежескошенной травы, казалось, вьелся в мою кожу.

Я посмотрел на свои пальцы — они мелко дрожали. «Инстинкты сорняка», — повторил я про себя.

Если она — сорняк, то она единственный сорняк в мире, способный прорасти сквозь вечную мерзлоту моего сердца. И мне нужно либо вырвать ее с корнем, либо... научиться дышать этим озоном.

Я сидел в своем кабинете, окруженный тишиной, которая была такой же плотной и холодной, как лед на вершинах Зенита. Перед моими глазами парил призрачный план Восточной башни. Маленькая точка — магическая подпись адептки Скайфолл — медленно перемещалась по лестничным пролетам, пока не замерла на самом верхнем этаже.

Под самой крышей. В комнате, где гуляет ветер и куда почти не доносится шум студенческого городка.

Адриан вошел, когда я смахивал изморозь с поверхности стола. Он проследил за моим взглядом и понимающе хмыкнул.

— Чердак, Кайден? Seriously? — он бесцеремонно уселся в кресло. — Ты решил сослать ее поближе к небу, чтобы она не прорастала сквозь фундамент, или просто хочешь, чтобы она пореже попадалась тебе на глаза?

— Безопасность, — отрезал я, не глядя на него. — В Восточной башне самый высокий уровень подавления стихийных выбросов. Если она решит устроить очередной «сад» среди ночи, это не обрушит потолок в столовой.

— И ты подсел к ней Уайтборн, — Адриан прищурился. — Полуэльфийка-целитель. Тонкий ход. Ты надеешься, что Оливия станет ее личным громоотводом?

Я промолчал. Это было правдой. Оливия Уайтборн обладала редким даром стабилизации. Она была единственной, кто мог находиться рядом с «диким магом» Авророй и не сойти с ума от ее хаотичного фона. И, что более важно, Оливия умела хранить секреты.

Я подошел к окну и посмотрел на шпиль Восточной башни. Там, в маленьком круглом окне, зажегся теплый, желтоватый свет свечи. Мой серебристый глаз тут же зафиксировал, как пространство вокруг этой точки начало «дышать».

Она там. Прячет свои семена под подушкой и, вероятно, проклиняет меня на десяти разных диалектах Пика Пламени.

Кристалл в груди пульсировал в такт этому далекому свету. Мое тело требовало покоя, но разум продолжал анализировать тот короткий момент резонанса в зале.

Даже здесь, за каменными стенами и магическими щитами, мне казалось, что воздух пахнет ночной фиалкой и озоном. Это была иллюзия — фантомная память моего замерзающего мозга.

Я сжал пальцы в кулак, и кожа на костяшках с тихим хрустом покрылась инеем.

— Она под присмотром, Адриан. Это всё, что меня волнует.

Но я лгал. Меня волновало то, что я впервые за десять лет почувствовал потребность подняться на эти сто двадцать ступеней. Не как ректор, не как инквизитор. А как человек, который просто хотел убедиться, что огонь в ее окне не погаснет этой ночью.

«Спи, маленькая катастрофа», — подумал я, гася свет в кабинете одним движением руки. — «Завтра Боевой факультет покажет тебе, что жизнь — это не только цветы, а золото на твоей мантии — это тяжелый груз.»

Глава 3

Будни факультета Боевой Магии

Утро в Восточной башне началось не с пения птиц, а с резкого, сухого хлопка. На подоконнике, прямо рядом с моей банкой с землей, материализовался запечатанный свиток. От него исходил отчетливый холод, и я сразу поняла, чьих рук это дело.

— Твое расписание? — Оливия, уже успевшая заплести свои платиновые волосы в тугую косу, с любопытством заглянула мне через плечо.

Я дрожащими пальцами сломала сургучную печать.

Мои глаза бегали по строчкам, но разум отказывался воспринимать написанное. Там не было ни «Основ бытовой магии», ни «Методов выведения магических пятен». Вместо этого на пергаменте черными, как уголь, чернилами значилось:

— **09:00** — Теория боевых плетений (Аудитория «Кровь и Песок»).

— **11:00** — Практика стихийного резонанса.

— **14:00** — Физическая подготовка и фехтование.

— Оливия... — я почувствовала, как пол уходит из-под ног. — Тут какая-то ошибка. Они... они отправили меня на Боевой факультет.

— Что?! — Оливия выхватила свиток. — Бытовик на Боевом? Это невозможно. Это же самоубийство! Там драконы со второго курса начинают выжигать друг другу брови ради забавы.

Мы бросились вниз, в административный корпус. Тот самый регистратор, который выдавал мне мантию, даже не поднял головы, когда я с грохотом опустила свиток на его стол.

— Здесь ошибка! Я — бытовик. Посмотрите на мою мантию, она серая!

— Ошибки нет, адептка Скайфолл, — сухо проскрипел он, поправляя очки. — Распоряжение лично от Лорда-Ректора. Ваша «дикая искра» признана слишком нестабильной для мирных специальностей.

Он наконец поднял на меня взгляд, и в нем я увидела нечто похожее на затаенный страх.

— Вы не можете просто «подметать полы», Аврора. Вчера вы пробили защиту обсидиановых ворот, которые не могли поцарапать лучшие выпускники Боевого факультета за последние десять лет. Либо вы учитесь сражаться и контролировать эту мощь как оружие, либо вас признают угрозой уровня «S» и... — он замолчал, многозначительно глядя на выход.

— И что? — выдохнула я.

— И усмирят вас более радикальными методами.

Я вышла из кабинета, чувствуя себя приговоренной. Серая мантия с золотой каймой теперь казалась мне не нелепостью, а мишенью. Я — простолюдинка, садовница, которая боится вида крови, должна идти туда, где магия — это боль и разрушение.

— Ну, по крайней мере, — Оливия попыталась ободряюще улыбнуться, хотя её глаза оставались серьезными, — теперь понятно, почему кайма золотая. Ты — их главный эксперимент.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы всё еще пахли землей и той самой ночной фиалкой. Но когда я сжала их в кулаки, между костяшками на мгновение проскочила злая, изумрудная искра.

Кайдэн Моран не просто бросил меня в клетку к хищникам. Он решил проверить, смогу ли я вырастить свои шипы быстрее, чем они меня сожрут.

Я направилась к Аудитории «Кровь и Песок». Третья глава моей жизни в «Истоке» обещала быть очень короткой... или очень кровавой.

Аудитория с устрашающим названием «Кровь и Песок» оказалась вовсе не комнатой, а огромным крытым амфитеатром, встроенным в скалу. Стены здесь были испещрены глубокими подпалинами и рытвинами — немymi свидетельствами того, как трудно дается контроль над силой. Воздух здесь не пах озоном. Он пах потом, каленой сталью и жженой кожей.

Когда я вошла, гул голосов мгновенно смолк.

Я замерла у входа, чувствуя себя так, словно по ошибке забрела в вольер к голодным грифонам. Передо мной стояло около тридцати молодых мужчин. Широкие плечи, хищные взгляды, мантии угольно-черного цвета с алыми всполохами боевого факультета.

Среди этого моря тестостерона и грубой силы моя серая мантия «бытовика» выглядела как белое знамя капитуляции.

— Это что, шутка? — раздался густой бас из центра зала. — Нам прислали горничную, чтобы она подметала песок после наших спаррингов?

Драконы разразились хохотом. Я видела их ауры — тяжелые, агрессивные, они давили на меня, заставляя «дикую искру» внутри испуганно сжиматься. Я была здесь не просто единственной девушкой — я была единственным существом, которое не выглядело как машина для убийства.

— Разговоры! — голос магистра Дагона, шрамированного ветерана с протезом вместо левой руки, пророкотал под сводами. — На полигон. Живо! Снять мантии.

Я нерешительно стянула серую ткань, оставаясь в простой белой рубашке и штанах для верховой езды. Мои тонкие запястья и мозоли от садовых ножниц на ладонях вызвали новую волну насмешек.

Полигон представлял собой полосу препятствий, зачарованную на изменение гравитации.

— **Первый этап:** Пробежка под градом тренировочных магических снарядов.

— **Второй этап:** Подъем по отвесной стене, покрытой скользким маслом.

— **Третий этап:** Спарринг на выносливость.

— Скайфолл! — Дагон ткнул в мою сторону пальцем. — Раз ты у нас «особенная» по мнению Ректора, пойдешь первой. Покажи этим индюкам, за что тебе выдали золото.

Я вышла на песок. Сердце колотилось в самых кончиках пальцев. Когда первый снаряд — сгусток плотного воздуха — вылетел из установки, я не успела подумать. Я просто выставила руки вперед, защищаясь.

Вместо щита из земли под моими ногами мгновенно, со скоростью молнии, выстрелили исполинские стебли жесткого терновника. Они сплелись в живой щит, принимая удар на себя. Снаряд разлетелся в пыль, а терновник, почувствовав угрозу, начал стремительно заполнять полигон, выбрасывая шипы длиной с кинжал.

— Эй! Она нас сейчас заблокирует! — крикнул кто-то из «альфа-магов», отпрыгивая от ядовито-зеленого ростка, пробившего подошву его сапога.

Я стояла в центре этого безумия, задыхаясь от собственной силы. Мои семена в карманах штанов начали прорасти от избытка маны, прожигая ткань. Я не была бойцом. Я была стихией, которую они сами же и спровоцировали.

— Достаточно! — Дагон взмахнул рукой, обрывая подачу снарядов. — Скайфолл, убери... это.

Я закрыла глаза, пытаясь отозвать магию, но в ушах всё еще стоял смех драконов. Моя искра не хотела уходить. Она хотела прорасти сквозь этих «альф», превратив их полигон в непроходимую чашу. В этот момент я поняла: Кайден Моран не ошибся. На этом факультете меня либо научат убивать, либо я сама стану тем, что уничтожит их всех.

После хаоса с терновником магистр Дагон отошел в сторону, уступая место человеку, чье появление заставило даже самых заносчивых драконов вытянуться в струнку. Адриан Блэквуд. Верховный Инквизитор и единственный, кто позволял себе хлопать Ректора по плечу.

Он сбросил на песок свой тяжелый плащ, оставшись в черной кожаной безрукавке. Его аура не была ледяной, как у Кайдена, она была... тяжелой. Словно на плечи положили могильную плиту.

— Ну что, «золотая садовница», — Адриан хищно улыбнулся, разминая шею. — Дагон слишком мягкотел для таких, как ты. Ректор просил проверить, действительно ли в тебе живет искра созидания или ты просто удачливая стихийница с мешком семян.

Он не стал ждать моего согласия. Адриан сорвался с места со скоростью тени. Я едва успела вскинуть руки, как воздух передо мной сгустился, превращаясь в черные жгуты инквизиторской магии.

Жгут хлестнул по песку в дюйме от моей ноги, взметая облако пыли.

Страх прошел меня насквозь. Моя искра отозвалась мгновенно. Из-под песка вырвались толстые, узловатые корни дуба, пытаясь перехватить его за щиколотки.

Адриан просто прошел сквозь них. Его магия тьмы разъедала мои растения, как кислота.

— Слишком медленно! — рявкнул он, оказываясь за моей спиной. — Природа — это не только цветы, Скайфолл! Это клыки, яд и удушение! Покажи мне гнев леса!

Он схватил меня за плечо, и я почувствовала, как его тьма начинает вытягивать мою жизнь. Это было больно. Словно у меня вырывали нервы один за другим. В глазах потемнело, и из самой глубины моего существа поднялось нечто первобытное.

Я не стала вызывать растения. Я сама стала ими. Моя кожа на мгновение покрылась жесткой корой, а пальцы превратились в когти из черного дерева. Я резко развернулась и ударила его в грудь потоком чистой, нефилтрованной энергии.

Адриана отбросило на несколько метров. Он приземлился на ноги, тяжело дыша, а на его груди остался отпечаток моей ладони, из которого начали стремительно прорастать... мелкие белые цветы.

В зале воцарилась гробовая тишина. Адриан посмотрел на цветы на своей броне, сорвал один и задумчиво повертел в пальцах.

— Жаркая штучка, — он усмехнулся, хотя в его глазах больше не было издевки. Только профессиональный интерес охотника. — Твоя магия реагирует на боль лучше, чем на команды. Это плохо для тебя, но очень интересно для Ректора.

Он подошел ближе и понизил голос так, чтобы слышала только я: — Кайден считает тебя спасением. Я же пока вижу только очень красивую бомбу. Постарайся не взорваться раньше времени, Аврора.

Я стояла на коленях в пыли, глядя на свои руки, которые медленно возвращали человеческий вид. Адриан Блэквуд не просто проверял мою прочность — он вскрыл мою суть. И то, что он там увидел, пугало меня гораздо больше, чем все драконы факультета вместе взятые.

После стычки с Адрианом мои магические каналы гудели, словно натянутые струны. Но расслабиться мне не дали. Следующим уроком в расписании значилась «Практическая боевая магия: Огненная стихия».

Магистр Дагон стоял перед строем, заложив руки за спину. Перед каждым адептом на специальном постаменте лежала мишень — тяжелый стальной диск.

— Боевой маг должен владеть всеми стихиями, — пророкотал он. — Огонь — это простейшая форма разрушения. Сконцентрируйте гнев. Почувствуйте жар в солнечном сплетении. Выброс!

Вокруг меня начали раздаваться хлопки и гул. Драконы один за другим выпускали ослепительные оранжевые сферы. Селина Серебряная Буря с легким изяществом испепелила свою мишень, после чего демонстративно обернулась ко мне, обмахиваясь ладонью.

— Ну же, садовница. Попробуй не завянуть.

Я закрыла глаза. Гнев? У меня его было в избытке. Я вспомнила ледяной взгляд Кайдена, издевательства Селины, тяжелую руку Адриана на моем плече. Я почувствовала, как внутри что-то закипает. Горячо. Очень горячо.

— *Ignis!* — выкрикнула я, резко выбрасывая руки вперед.

Вместо спасительного жара по моим венам пробежал резкий, колючий холод, который мгновенно сменился яростным зудом. В воздухе действительно вспыхнуло — но не пламя, а мириады изумрудных искр.

Моя магия снова все перепутала. Вместо того чтобы лететь в мишень, энергия ушла в землю, в мельчайшие щели между каменными плитами полигона.

— **Секунда 1:** Пол под ногами адептов вздулся.

— **Секунда 2:** Из-под обсидианового крошева выстрелили тугие, черные побеги дикого терновника.

— **Секунда 3:** Хохот драконов сменился воплями ярости.

Вместо одного огненного шара я создала настоящий капкан. Шипастые лианы с невероятной скоростью обвили ноги моих однокурсников, намертво пригвозждая их к месту. Терновник действовал агрессивно: он прошивал подошвы сапог и плотно стягивал лодыжки, реагируя на любые попытки вырваться.

— Скайфолл! Ты что творишь?! — взревел один из «альф», тщетно пытаясь поджарить лозу, которая только сильнее сжималась от тепла его магии.

Я в ужасе смотрела на свои ладони. — Я... я хотела огонь! Простите!

Магистр Дагон едва успел отпрыгнуть на судейский мостик. Весь полигон превратился в колючее болото. Селина визжала, запутавшись в лианах, которые особенно активно тянулись к её золотистым волосам.

— В ней нет ни капли огня! — прохрипел Дагон, выхватывая боевой кинжал, чтобы перерубить ближайший корень. — В ней только эта проклятая, неуправляемая жизнь!

Я стояла посреди этого бесчинства природы, единственная, кого терновник не тронул. Моя «дикая искра» торжествовала, радуясь, что снова обвела меня вокруг пальца. Я поняла: я не просто не могу быть боевым магом. Я — ходячая катастрофа, которая превращает любое разрушительное заклинание в акт неконтролируемого созидания.

Из тени галереи за этим позором наблюдал высокий силуэт. Я не видела его лица, но почувствовала, как воздух вокруг меня внезапно стал ледяным. Кайден. Он видел всё. Мой провал был абсолютным.

После фиаско на полигоне я не шла, а едва переставляла ноги. Моя мантия была испачкана землей, а ладони до сих пор горели от магического ожога. Сопровождающий меня дежурный адепт хранил гробовое молчание, но я кожей чувствовала его презрение.

Когда мы подошли к массивным дверям ректората, украшенным чеканным серебром, у меня перехватило дыхание. Двери бесшумно разошлись, впуская меня в святая святых Кайдена Морана.

Здесь царил холод. Не тот бодрящий мороз, что бывает зимой, а мертвая, стерильная стужа. Огромные окна выходили на северную сторону, и свет, проникавший сквозь них, казался серым.

Кайден сидел за своим массивным столом из черного дуба. Он не писал, не читал — он просто ждал, сложив бледные пальцы «домиком». Его серебристый глаз в полумраке кабинета светился ровным, потусторонним светом.

— Закройте дверь, адептка Скайфолл, — его голос был тихим, но он ударил меня сильнее, чем крики Дагона на полигоне.

Я сделала несколько шагов и замерла на ковре. Мой запах озона здесь казался чужеродным, почти вульгарным.

— Вы знаете, что такое профпригодность? — он медленно поднялся, и я невольно отступила. — Это когда маг контролирует свою силу, а не становится её заложником. То, что я видел сегодня... это не магия. Это истерика садовницы, которой дали в руки гранату.

Он начал медленно обходить стол, приближаясь ко мне. Каждый его шаг сопровождался тихим хрустом инея на паркете.

— Мои адепты лежат в лазарете, потому что их ноги исколоты вашим «неудавшимся огнем». Блэквуд заявляет, что вы потенциально опасны. А я... — он остановился в шаге от меня, и я почувствовала, как мороз от его мундира пробирается под мою рубашку. — Я вижу перед собой девчонку, которая даже не пытается обуздать свой хаос.

— Я пыталась! — выкрикнула я, вскидывая голову. — Я делала всё, как сказал магистр! Но огонь... он не слушается меня!

— Потому что вы боитесь разрушать, Скайфолл, — он наклонился к моему лицу так близко, что я увидела иней на его ресницах. — Вы хотите созидать в мире, который готовится к войне. Ваша «дикая искра» — это аномалия. И если вы не докажете мне в ближайшие три дня, что способны направить её в нужное русло, я лично подпишу приказ о вашем исключении.

Я закусила губу, чтобы не расплакаться. Исключение из «Истока» означало возвращение в деревню, где меня ждало либо клеймо ведьмы, либо жизнь в вечном страхе.

— Но золото... — прошептала я, указывая на свои рукава. — Вы сами дали мне его. Зачем, если считаете меня безнадёжной?

Кайден на мгновение замер. Его серебристый глаз вспыхнул, и на его шее снова проступила та самая багровая печать. Он протянул руку, словно хотел коснуться моей щеки, но в последний момент сжал пальцы в кулак и отвернулся.

— Золото — это не награда. Это цена вашего выживания. Уходите. У вас есть семьдесят два часа, чтобы показать мне не сорняки, а волю. В противном случае... вы узнаете, насколько холодным может быть изгнание.

Я выбежала из кабинета, едва не сбив с ног Адриана, который ждал в коридоре. За спиной я слышала, как в кабинете с громким звоном лопнуло оконное стекло — Кайден снова потерял контроль над своим льдом. Но мне было уже всё равно. У меня было три дня, чтобы совершить невозможное.

Кайден.

Я стоял у окна в своем кабинете, наблюдая за тем, как первые лучи солнца окрашивают шпили Академии в холодный розовый цвет. В руках я держал свиток с личной печатью Императорской канцелярии, но мои мысли были заняты другим документом — приказом о зачислении адептки Скайфолл на Боевой факультет.

— Ты ведь понимаешь, что это выглядит как смертный приговор? — голос Адриана, раздавшийся от двери, был лишен привычной иронии.

Я не обернулся. Я чувствовал его присутствие — жаркое, беспокойное, так непохожее на мой собственный холод.

— Это не приговор, Адриан. Это единственный способ сохранить ей жизнь, — ответил я, и мое дыхание оставило на стекле тонкую ледяную корку.

Я развернул перед ним отчет о проверке ворот. Магические графики вскипали изумрудным цветом.

— Бытовики учатся чинить чайники и выводить пятна, — я наконец повернулся к другу. — Если Скайфолл чихнет на факультете бытовой магии, всё крыло превратится в плотоядный лес. Её сила — это не инструмент, это стихийный поток. Ей не нужны методички по глажке белья. Ей нужно научиться убивать в себе этот хаос, прежде чем он поглотит её разум.

Я подошел к столу и поставил на приказ свою печать. Серебро вспыхнуло, подтверждая легитимность исключения из правил.

— Боевой факультет — это дисциплина через боль, — продолжал я, чувствуя, как кристалл в груди отзывается на каждое слово. — Там её научат ставить блоки. Там её научат бояться собственной силы настолько, чтобы она начала её контролировать.

«Или она сломается в первый же день», — безмолвно возразил мой внутренний голос.

— Она — исключение, — повторил я, скорее для самого себя. — В истории Университета не было бытовиков с золотой каймой. И если Совет спросит, почему садовница тренируется с драконами, я отвечу, что предпочитаю держать бомбу там, где её умеют обезвреживать, а не в прачечной.

Я знал, что она возненавидит меня за это утро. Она будет считать это издевательством, прихотью ледяного тирана. Но пока она злится на меня, её искра будет сфокусирована. Страх — плохой учитель, но ярость — отличный щит.

Я отправил свиток в Восточную башню коротким импульсом телепортации. Воздух в кабинете на мгновение запах озоном — остаточный след её силы, который я никак не мог выветрить из своих легких.

— Начинать подготовку полигона, Адриан, — бросил я, возвращаясь к бумагам. — Завтра мы увидим, из чего на самом деле сделана наша «Первая Искра».

Я стоял на обзорной галерее, скрытый глубокой тенью и магическим щитом, который не пропускал наружу даже мое дыхание. Сверху полигон «Кровь и Песок» выглядел как чаша весов, на одной чаше которой была необузданная жизнь, а на другой — вышколенная смерть.

Тридцать моих лучших адептов. Драконы, чьи родословные были старше этой Академии. И она.

Аврора Скайфолл выглядела до смешного хрупкой в своей серой мантии. Когда она вошла, я почувствовал, как по залу прошла волна презрения. Мои адепты — хищники, они чувствуют слабость. Но мой серебристый глаз видел то, чего не видели они.

Вокруг Авроры воздух вибрировал. Её аура, обычно похожая на мягкое свечение мха, сейчас оцетинилась изумрудными иглами. Она не была слабой — она была переполнена силой, которую не умела заземлять.

— Снять мантии! — проревел Дагон.

Я увидел, как она стянула серую ткань. Белая рубашка подчеркивала её тонкую фигуру. Она казалась фарфоровой статуэткой в лавке мясника. Адриан, стоявший неподалеку от Дагона, бросил короткий взгляд в сторону моей галереи. Он знал, что я здесь.

Когда полоса препятствий пришла в движение, я невольно сжал перила. Первый же снаряд, выпущенный в неё, должен был просто сбить её с ног, научить группироваться. Но Скайфолл не умела «просто».

Вместо того чтобы уклониться, она выплеснула энергию.

Это было красиво и пугающе одновременно. Песок на полигоне взорвался. Жесткий, черный терновник рванул из-под плит, переплетаясь в воздухе. Это была не боевая магия — это была судорога природы. Я видел, как её мана-каналы вспыхнули нестерпимо ярким светом. Она действовала на одних инстинктах, превращая тренировочную площадку в непроходимые джунгли.

Кристалл в моей груди отозвался резкой болью. Резонанс был настолько сильным, что иней на перилах галереи начал превращаться в острые ледяные шипы, повторяя форму её терновника.

Драконы пятились. Они смеялись над «бытовичкой» секунду назад, а теперь в их глазах плескался первобытный страх перед тем, что они не могли счесть.

— Достаточно! — крик Дагона прервал это безумие.

Я смотрел на неё — тяжело дышащую, потерянную, стоящую в центре созданного ею хаоса. Она не понимала, что только что сделала. Она показала им клыки, о которых сама не знала.

«Ты не садовница, Аврора», — подумал я, чувствуя, как холод внутри меня медленно утихает, оставляя после себя странную пустоту. — «Ты — лесной пожар. И если я не научу тебя гореть правильно, ты уничтожишь всё, до чего дотянутся твои корни. И меня в том числе».

Я наблюдал за этим из тени верхней галереи, сжав перила так сильно, что по камню поползли трещины, заполненные инеем. Адриан затеял опасную игру. Он был моим лучшим другом, моим «цепным псом» Инквизиции, и он знал: чтобы понять предел прочности клинка, его нужно ударить о наковальню.

Этой наковальней сегодня стал он сам.

Когда Адриан сбросил плащ, обнажая татуировки Инквизиции на руках, по полигону прошел гул. Он не собирался играть в «учителя». Он собирался ломать.

Его магия Тьмы — вязкая, тяжелая, вытягивающая радость и свет — рванулась к Авроре черными жгутами. Это был «Поцелуй бездны», заклинание, которое заставляет сердце замирать от ужаса.

Я видел, как она сжалась. Её аура, обычно яркая, начала тускнеть под гнетом Адриана. Мой кристалл в груди отозвался глухим рыком — резонанс требовал, чтобы я вмешался, чтобы мой лед сковал Тьму Блэквуда.

«Стой, Кайден», — приказал я сам себе. — «Если она не защитится сейчас, она не выживет в том, что придет».

Адриан схватил её за плечо. Я видел, как его Тьма начала впитываться в её кожу, и на мгновение мне показалось, что я слышу её беззвучный крик. И тут... произошло немыслимое.

Аврора не просто ответила магией. Она переродилась.

Мой серебристый глаз зафиксировал мгновенную трансформацию: её мана-каналы из нежно-зеленых стали угольно-черными, как сердце векового дуба. Она не вызвала растение — она сама стала стихией. Кора вместо кожи, когти вместо пальцев. Это была **Первородная Ярость Леса**.

Удар.

Адриана отбросило. Мощная волна жизни, смешанной с гневом, едва не снесла защитные щиты полигона. Я подался вперед, когда увидел белые цветы, прорастающие прямо из доспехов Адриана.

Адриан сорвал цветок, и я прочитал по его губам: «Жаркая штучка».

Внутри меня вспыхнуло нечто, подозрительно похожее на ревность, но я тут же подавил это чувство льдом. Блэквуд прав. Она — бомба. Но теперь я видел детонатор. Её магия подпитывается болью и страхом. Чтобы сделать её великим магом, мне придется стать её главным кошмаром.

— Хорошо, Адриан, — прошептал я в пустоту галереи. — Ты показал ей её зубы. Теперь я научу её кусать тех, кто этого заслуживает.

Я развернулся и ушел, прежде чем она успела поднять голову и заметить мой силуэт. Моя печать на шее горела так сильно, что, казалось, она выжжет клеймо на самой душе. Резонанс становился неуправляемым.

Я сидел за столом, впившись пальцами в холодный дуб, и ждал. Тишина кабинета была неестественной — я выморозил воздух до такой степени, что каждое моё движение оставляло в пространстве ледяной след. Кристалл в груди не просто ныл; он выл, требуя близости того самого озона, который я только что прилюдно проклял.

Дверь разошлась. Она вошла — маленькая, перепачканная землей, с ободранными ладонями и глазами, полными такой жгучей обиды, что мой лед начал предательски подтаивать.

Я видел её насквозь серебристым глазом Истины. Её мана-каналы были похожи на растерзанный сад. Она была истощена, напугана и... бесконечно прекрасна в своем хаосе.

Ректор, инквизитор, тиран. Единственная роль, которая позволяла мне не сорваться с места и не коснуться этих ссадин на её руках.

— Вы знаете, что такое профпригодность? — я поднялся, чувствуя, как печать на шее пульсирует в такт её учатившемуся пульсу.

Я подошел к ней. Слишком близко. Мои чувства кричали о том, чтобы я защитил её, укрыл от драконов, от Адриана, от самой Академии. Но разум диктовал иное. Если она не возненавидит меня, она не выстроит щиты. Если она не станет жестче, её раздавят.

«Истерика садовницы», — сказал я ей в лицо.

Каждое слово было ложью. Каждое слово было ножом, который я вонзал в собственное сердце. Я видел, как она отпрянула, как её «дикая искра» вспыхнула изумрудом, пытаясь защитить хозяйку от моего холода.

Когда она выкрикнула, что пыталась, я едва не совершил ошибку. Я наклонился к ней так близко, что почувствовал запах её кожи — озон, мокрая земля и... отчаяние. В этот миг мой серебристый глаз зафиксировал резонанс: наши ауры сплелись, создавая вакуум, в котором не существовало никого, кроме нас.

Моя рука сама потянулась к её щеке. Я хотел стереть след пыли, хотел прошептать, что золото на её мантии — это мой способ сказать ей «ты единственная». Но кристалл в груди отозвался резкой, отрезвляющей болью. Я — смерть. Она — жизнь. Мы не можем коснуться друг друга, не уничтожив всё вокруг.

Я сжал кулак и отвернулся.

— Золото — это не награда. Это цена вашего выживания.

Когда за ней захлопнулась дверь, я почувствовал, как по комнате прошел сейсмический толчок моей собственной магии. Окно за моей спиной разлетелось вдребезги, осыпав пол алмазной крошкой льда.

Я тяжело опустился в кресло, глядя на свои дрожащие руки. У меня было семьдесят два часа, чтобы превратить её в воина. И семьдесят два часа, чтобы не сойти с ума от этого невозможного, запретного запаха озона, который теперь заполнил все мои легкие.

Аврора.

Я шла по бесконечным лестницам Восточной башни, едва переставляя немеющие ноги. Каждый шаг отдавался в висках тяжелым молотом, а перед глазами все еще стоял этот серебристый, лишенный жизни глаз Кайдена Морана. Его слова — «истерика садовницы», «инстинкты сорняка» — жгли сильнее, чем магический ожог на ладонях.

Когда я, наконец, толкнула дверь нашей каморки под крышей, силы окончательно покинули меня. Я сползла по косяку на пол, уткнувшись лицом в колени.

— Живая? — голос Оливии прозвучал откуда-то сверху. Она сидела на своей кровати, обложившись анатомическими атласами.

— Вроде того, — прохрипела я, поднимая голову. — Если не считать того, что я чуть не задушила полфакультета сорняками, а Ректор пообещал вышвырнуть меня через три дня.

Оливия отложила книгу и подошла ко мне, протягивая флакон с успокаивающим настоем, пахнущим горькой полынью. — Дай посмотрю руки. У тебя каналы светятся так, будто ты проглотила молнию.

Я протянула ладони. Оливия осторожно коснулась их, и её прохладная магия целителя начала стягивать мелкие трещинки на коже. Я вкратце пересказала ей «ковер» у Ректора. Оливия слушала молча, лишь изредка поджимая губы.

— Он не просто тиран, Аврора, — тихо произнесла она, забинтовывая мою левую кисть. — Он боится. Драконы привыкли, что мир подчиняется их огню или его льду. А ты... ты что-то другое. Ты жизнь, которая прорастает там, где всё должно быть мертво.

Я подошла к подоконнику и взяла свое расписание на завтра. Пальцы дрожали. Вдруг строчки на пергаменте начали плыть, буквы перестраивались сами собой, подчиняясь свежей магической печати.

«09:00 — Теория боевых плетений — ОТМЕНА»

Вместо этого поперек листа размашистым, острым почерком, от которого веяло холодом, было выведено:

«08:00 — Личная аудиенция в кабинете Ректора. Не опаздывать».

Листок выпал из моих рук.

— Он отменил мою первую пару, — я посмотрела на Оливию широко открытыми глазами. — Оливия, он не собирается ждать три дня. Он вызовет меня завтра с утра, чтобы... чтобы что? Усмирить? Проверить, насколько глубоко ушли мои корни?

— Или чтобы научить тебя тому, чему Дагон научить не может, — Оливия прищурилась, глядя на почерк Кайдена. — Смотри, края букв покрыты инеем. Он писал это в ярости. Или в очень сильном волнении.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Подняла глаза на круглое окно под потолком. Там, в ночном небе, звезды казались холодными осколками его серебристого глаза.

Мне было страшно. Не так, как боишься грозы или дикого зверя. Это был страх перед бездной, которая манит тебя своим холодом. Что, если завтра он потребует от меня невозможного? Что, если он захочет выжечь мою искру, чтобы она не «воняла озоном» в его идеальном ледяном мире?

— Оливия... — позвала я в темноту. — А если я не сорняк? Если я действительно та самая бомба, о которой говорил Адриан?

— Тогда постарайся взорваться так, чтобы от этого Ректора остались только ледяные крошки, — сонно отозвалась подруга. — Спи, Аврора. Тебе понадобятся силы, чтобы выжить в его кабинете.

Я закрыла глаза. Запах озона в комнате стал гуще, смешиваясь с ароматом ночных фиалок на подоконнике. Где-то внизу, в обсидиановой башне, Кайден Моран тоже не спал. Я чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Мы были связаны этим странным, пугающим резонансом, и завтрашнее утро должно было либо разорвать эту связь, либо затянуть узел до хруста костей.

Глава 4

В кабинете Лорда Сумерек

Утро в Академии было серым и колючим, но по сравнению с тем, что ждало меня за дверями ректората, оно казалось ласковым маем. Когда я вошла, меня встретил не просто холод — меня встретила тишина, в которой слышался звон замерзающего воздуха.

Вчера, ослепленная страхом и собственной магической бурей, я видела лишь Кайдена. Сегодня же, придя на десять минут раньше, я невольно начала озираться.

Кабинет Кайдена Морана не был офисом чиновника. Это была помесь пыточной камеры эстета и сокровищницы павшего бога.

Вместо обоев или гобеленов — голый обсидиан, по которому змеились тонкие, светящиеся голубым жилы. Иней покрывал их причудливыми узорами, напоминающими застывшие крики.

За стеклом, мутным от мороза, покоились артефакты Инквизиции. Я увидела «Слезу Истины» — кристалл, который выжигает глаза лжецам, и зазубренные кинжалы-пламегасители, которыми умирляли диких магов вроде меня в темные века. От них веяло такой древней скорбью, что мои ладони под бинтами начали зудеть.

Массивный монолит из черного дерева, на котором не было ни пылинки — только стопки пергаментов, идеально выровненные, и тяжелое пресс-папье в виде застывшего драконьего сердца.

Я сделала шаг вглубь, и мой сапог тихо хрустнул по ледяной корке на полу.

В углу, на специальном постаменте под колпаком, я заметила нечто странное: маленькую, заиндевевшую розу. Она была не магической, а настоящей, но превращенной в совершенную ледяную статую. Было в этом что-то пугающее — Кайден хранил мертвую красоту, потому что живая не выносила его присутствия.

На стене за его креслом висела огромная карта Империи. Но вместо границ штатов на ней пульсировали точки магических аномалий. Моя родная деревня была отмечена крошечным красным крестиком.

— Рассматриваете орудия труда, адептка? — голос раздался прямо за моей спиной, хотя я не слышала скрипа двери.

Я резко обернулась. Кайден стоял в тени книжного шкафа. Его мундир был застегнут на все пуговицы, а серебристый глаз в утреннем полумраке казался единственным источником света в комнате.

— Здесь... красиво, Лорд-Ректор, — соврала я, чувствуя, как от его присутствия в моих карманах начали судорожно набухать семена дикого плюща. — Но очень холодно.

— Холод — это высшая форма порядка, Скайфолл, — он медленно прошел к столу, и шлейф мороза потянулся за ним, заставляя иней на артефактах вспыхивать ярче. — В нем нет гнили, нет хаоса. В нем всё остается таким, каким должно быть вечно. Садитесь. Нам предстоит выяснить, способны ли вы выжить в этом порядке, или ваша «искра» сожжет вас раньше, чем я успею поставить подпись на приказе.

Я опустила на жесткий стул, чувствуя, как обсидиановые стены словно сжимаются вокруг меня. Кабинет Кайдена был его крепостью и его тюрьмой. И сегодня я была его единственным добровольным узником.

Кайден не сел в свое кресло. Он медленно обходил стол, и каждый его шаг по обсидиановому полу отдавался в моей груди глухим ударом. Иней на его пути выстраивался в идеальные ледяные иглы, указывающие в мою сторону.

— Расскажите мне о моменте, когда это началось, Скайфолл, — его голос был тихим, лишенным интонаций, как шелест падающего снега. — Не ту театральную постановку с воротами, а первый раз. Когда вы впервые почувствовали, что магия внутри вас — это не дар, а паразит.

Я сжала пальцы на коленях. Бинты, наложенные Оливией, начали намокать — искра внутри меня металась, как запертая в клетке птица.

— Мне было семь, — я заставила себя смотреть прямо в его серебристый глаз, хотя от этого взгляда по спине бежали мурашки. — Я просто хотела, чтобы засохшая яблоня в саду дедушки зацвела. Я коснулась коры... и дерево взорвалось цветом. А через минуту оно сгнило, потому что я вытянула из него всю жизнь за секунду.

Кайден остановился прямо напротив меня. Его лицо было бледным, почти прозрачным в холодном свете кабинета.

— Именно, — он наклонился, упираясь ладонями в подлокотники моего стула. От его мундира пахло озоном, морозом и чем-то неуловимо опасным. — Ваша магия не знает меры. Она — жадное, прожорливое существо, которое не созидает, а выплескивается. Вчера на полигоне вы не «вырастили» терновник. Вы вырвали его из реальности, едва не погубив своих однокурсников.

Он протянул руку и, не касаясь, провел ладонью над моими забинтованными руками. Воздух между нами мгновенно заискрился от статического напряжения.

— Вы должны её задушить, Аврора, — его голос стал жестче. — Не «контролировать», не «направлять». Задушить. Сожмите свою искру в кулак, закройте её под слоем льда и воли. Ради вашей безопасности. Ради безопасности этого Университета.

— Задушить? — я почувствовала, как внутри закипает горькая, зеленая ярость. — Вы предлагаете мне убить часть себя? Вы сами... вы тоже «душите» свой холод?

Кайден на мгновение замер. Его серебристый глаз на секунду померк, и я увидела в его глубине нечто такое, от чего у меня перехватило дыхание — бесконечное, черное одиночество.

— Я — это мой холод, Скайфолл, — отчеканил он, выпрямляясь. — В моем мире нет места «дикости». Если вы хотите остаться здесь, если хотите носить золото на руках, вы научитесь быть камнем. Вы перестанете пахнуть лесом. Вы станете тишиной.

Он взял со стола тяжелый стальной стержень — артефактный поглотитель маны — и положил его передо мной.

— Возьмите его. И не выпускайте, пока не научитесь держать свою силу внутри каналов так, чтобы ни одна игла терновника не посмела пробиться сквозь вашу кожу. Если вы не сможете усмирить себя здесь, в тишине моего кабинета, то на следующем занятии Дагона я лично аннулирую вашу искру. Навсегда.

Я посмотрела на холодный металл. Кайден Моран требовал от меня невозможного — стать мертвой внутри, чтобы выжить снаружи. Я потянулась к стержню, и в тот момент, когда мои пальцы коснулись стали, я почувствовала, как его магия льда из самого воздуха начала проникать в мои вены, пытаясь помочь мне... или окончательно меня заморозить.

Я почувствовала, как в груди закипает не просто магия, а настоящая, человеческая злость. Холодный металл стержня обжигал пальцы, но слова Кайдена ранили глубже. «Задушить»? «Стать камнем»?

Я резко оттолкнула стержень — он со звоном покатился по обсидиановой столешнице.

— Вы ничего не понимаете в этой силе, Лорд-Ректор! — я вскочила со стула, игнорируя то, как опасно сузился его серебристый глаз. — Вы смотрите на мои цветы и видите сорняки, смотрите на терновник и видите колючую проволоку. Но природа не убивает просто так. Она защищает!

Я сделала шаг к нему, сокращая ту самую дистанцию, которую он так старательно выстраивал своим инеем. Мой голос дрожал, но не от страха, а от возмущения.

— Магия природы лечит! Она латает раны, она дает дыхание лесу, она кормит землю. То, что вы называете «дикостью» — это просто жизнь, у которой нет другого способа заявить о себе в вашем мертвом, стерильном склепе!

— Вы хотите, чтобы я стала тишиной? Чтобы я пахла пылью и старыми свитками, как ваши магистры? Но если я задушу свою искру, я превращусь в пустую оболочку. В такую же ледяную статую, которую вы держите под колпаком в углу!

Кайден медленно выпрямился. Воздух в кабинете стал таким густым, что его, казалось, можно было резать ножом. Иней на стенах начал расти с бешеной скоростью, превращаясь в острые, как бритва, ледяные лезвия.

— Вы забываетесь, адептка Скайфолл, — его голос упал до едва слышного шепота, от которого по коже прошел настоящий мороз. — Ваша «жизнь» вчера едва не проткнула легкие двоим драконам. Ваше «лечение» высасывает соки из всего живого вокруг, когда вы теряете контроль.

— Потому что я боюсь! — выкрикнула я прямо ему в лицо. — Я боюсь вас, боюсь этого места, боюсь того, как вы смотрите на меня своим серебристым глазом, словно я — ошибка в уравнении! Дайте мне шанс не душить силу, а направить её на созидание. Магия природы способна исцелять даже безнадежные раны. Мои руки могут заживлять, а не только рвать плоть шипами!

Я протянула к нему забинтованную ладонь. Между пальцами, вопреки всему его льду, пробился крошечный, нежно-зеленый росток подснежника. Он был хрупким, почти прозрачным, но он жил здесь, в эпицентре его вечной мерзлоты.

— Посмотрите на него, Лорд-Ректор. Это — не угроза. Это надежда. А вы предлагаете мне её растоптать, чтобы вам было спокойнее спать в вашем обсидиановом гробу?

Ишина в кабинете стала не просто густой — она стала осязаемой. Я всё ещё держала руку протянутой, и крошечный подснежник трепетал от холода, исходящего от Кайдена, но не увядал. Ректор не шевелился. Он смотрел на цветок так, словно тот был осколком зеркала, в котором отражалось нечто невыносимое.

И в этот момент, когда между нами натянулась невидимая струна резонанса, я это увидела.

Край его высокого воротника чуть сдвинулся, когда Кайден сделал резкий, прерывистый вдох. Там, на бледной коже шеи, прямо под челюстью, пульсировало нечто чужеродное.

Это не была татуировка. Это была живая, угольно-черная вязь, похожая на сплетение обугленных вен или колючую проволоку, вживленную в плоть.

Узор ритмично расширялся и сужался, выбрасывая тонкие черные нити вверх, к самому уху, и вниз, под мундир, к его ледяному кристаллу в груди.

Каждый раз, когда моя искра вспыхивала изумрудом, эта черная метка вспыхивала в ответ зловещим багровым сиянием, словно раскаленные угли под слоем пепла.

Я невольно подалась вперед, забыв о страхе и субординации.

— Что это у вас?.. — мой голос сорвался на шепот. — Это не магия льда. Это... это проклятие?

Я видела, как потяжелел его взгляд. Серебристый глаз вспыхнул ослепительно ярко, а иней на столе превратился в острые иглы, направленные мне в горло. Кайден резко вскинул руку, поправляя воротник, закрывая черный узор, но было поздно. Я успела почувствовать исходящую от печати боль — древнюю, иссушающую, бесконечную.

— Сядьте, адептка Скайфолл, — его голос прозвучал как хруст ломающегося позвоночника. — Вы видите слишком много для той, чья жизнь висит на волоске.

— Оно пожирает вас, — я проигнорировала приказ, чувствуя, как моя магия природы, мой инстинкт целителя, отзывается на эту черную гниль внутри него. — Вы заставляете

меня «душить» мою жизнь, потому что ваша собственная магия убивает вас каждую секунду? Поэтому здесь так холодно? Вы просто пытаетесь заморозить эту боль?

Кайдэн медленно опустил руки на стол. Иней на обсидиане начал таять, превращаясь в черную, ледяную воду. Он посмотрел на меня не как ректор на студентку, а как израненный зверь на того, кто посмел коснуться его открытой раны.

— Это цена порядка, Аврора, — тихо произнес он, и в этом «Аврора» вместо «Скай-фолл» было больше угрозы и надрыва, чем во всех его предыдущих приказах. — Моя печать сдерживает то, что не должно быть выпущено в этот мир. А ваш подснежник... — он кивнул на цветок в моей руке, который начал стремительно чернеть, отравленный близостью его проклятия, — ...он умрет здесь. Как и всё, что пытается быть живым рядом со мной.

Я смотрела, как нежные лепестки осыпаются пеплом на его стол. Печать на его щеке продолжала пульсировать, и я поняла: мы оба заперты в своих телах с силой, которую не можем контролировать. Только мой хаос дарит жизнь, а его — медленно превращает его в живой надгробие. И теперь я знала его главную тайну.

Кайдэн долго молчал, глядя на пепел подснежника, который только что рассыпался на его столе. Иней на обсидиане замер, перестав расти, но воздух в кабинете оставался таким тяжелым, что мне казалось, будто на плечи положили могильную плиту. Он медленно поправил воротник, окончательно скрывая пульсирующую черную вязь, и снова стал тем ледяным ректором, которого боялась вся Академия.

— Вы слишком дерзки для адепки, чьи способности едва выходят за рамки неконтролируемого сорняка, Скайфолл, — его голос снова обрел стальную, режущую остроту. — Вы считаете, что ваша магия лечит? Вы думаете, что природа — это спасение? Что ж. Я дам вам шанс доказать это. Или окончательно сломаться под тяжестью реальности.

Он сел в кресло, и серебристый свет его глаза на мгновение вспыхнул, когда он притянул к себе чистый лист пергамента. Острое перо закрипело, оставляя рваные, ледяные следы чернил.

Отмена стандартных взысканий магистра Дагона.

Ежедневные личные отработки под надзором Лорда-Ректора.

Полночь. Ежедневно.

— С завтрашнего дня, — он бросил пергамент на край стола, и тот мгновенно прилип к ледяной корке, — вы будете являться сюда ровно в двенадцать. Ваш «дар» будет направлен в полезное русло. Вы станете моим личным ассистентом в разборе дел Инквизиции.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод, не имеющий отношения к магии льда. Дела Инквизиции. Это были отчеты о стихийных бедствиях, задержаниях диких магов, описания проклятий и мест, где магия выжгла саму жизнь.

— Зачем? — выдохнула я, глядя на его бледные, почти прозрачные пальцы. — Зачем вам садовница в архивах Инквизиции?

— Потому что Инквизиция имеет дело с последствиями такого же «созидания», которое вы устроили на полигоне, — Кайдэн поднял взгляд, и я увидела в нем холодное торжество. — Вы будете разбирать отчеты о магах природы, которые сошли с ума и превратили свои деревни в братские могилы из лиан. Вы будете видеть кровь, гниль и смерть, которую приносит неуправляемая жизнь.

Он наклонился вперед, и я снова почувствовала этот странный, тягучий резонанс.

— Если ваша искра действительно «лечит», Аврора, то вы поможете мне найти ключи к стабилизации тех аномалий, которые мы находим в Империи. Но если вы не выдержите... если вид того, во что превращается ваш «дар» без контроля, заставит вас дрогнуть — вы сами попросите меня аннулировать вашу силу.

— В полночь? — переспросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Но это... это время, когда магия наиболее нестабильна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.